

Комплексный анализ рассказа А. П. Чехова «Шуточка»

Арсланова Д.

Произведения А.П.Чехова, как правило, отличаются внешней простотой, лаконизмом, доступностью и вместе с тем глубоким психологизмом. Это относится и к рассказу «Шуточка». Автор ставит здесь вопросы, которые называют вечными: об иллюзорности бытия нашего и счастья в особенности, об опасности страха и малодушия в любви и в жизни и о глупых людях, почитающих себя великими умниками и разбивающих вдребезги собственную жизнь, что печально. Но как все-таки мало человеку нужно для счастья! И это хорошо, ибо жизнеутверждающе, и это главная мысль, которую я вынесла для себя из этого рассказа...

Итак, заглавие: незначительно-легковесное словечко. Оно не богато смыслами, слово без влияний и последствий, заранее задающее впечатление легкости и светлости.

Но нет. Прочитав рассказ, понимаешь, что попала на удочку, над тобой тоже сыграли шуточку, ввели в заблуждение. По мере проникновения в текст смыслы заглавия претерпевают ряд метаморфоз, меняется светлость, заключенная в нем:

- свет земной и приземленный, фонарик или свечечка;
- сумерки, полутьма, полусвет;
- свет более ясный, одухотворенный чьим-то счастьем, чьей-то печалью на фоне духовной неполноты человека. Это краткая схема моего восприятия рассказа.

Перейдем непосредственно к тексту. Он краток и лаконичен. Однако его можно разделить на несколько частей: завязка — незнание и непонимание (неосведомленность читателя); сокрытая пока суть рассказа; эта часть — этакий разбег, лестница, по которой взбираются на гору. Она оканчивается на предложении: «Вот-вот, еще мгновение, и кажется — мы погибнем!» Эта фраза над обрывом и восклицательный знак — композиционный вздох перед прыжком. И сразу вслед за этим — взлет, кульминация, ключевая фраза: «Я люблю Вас, Надя! — говорю я вполголоса». И, как в болото кануло все: ни напряжения, ни силы — постепенный спад — «все тише и тише», но пока еще возможность повторения этих взлетов, и падений, и переживания сильного чувства, казалось, бесконечное количество раз...

Но... Следующая часть именно с этого противительного союза начинается и заканчивается многоточием... Лед растаял, игры закончились. Мирный, отстраненный от всего эпизод — и снова многоточие...

Их очень много в тексте, слишком много, чтобы это было просто так. В рассказе они становятся символами пустоты в будущем, несбывшихся надежд и упований, недосказанности, нереальности любви и счастья и, наконец, нерешительности, малодушия, страха, мешающих сбыться мечте.

Так оно и происходит с героями рассказа. Их всего двое — юноша и девушка, почти еще «девочка», как ее называет рассказчик. Повествование ведется от первого лица (один из приемов, позволяющий отождествить себя с героем, чтобы лучше понять его). Рассказчик — тот самый юноша (правда, уже повзрослевший), остающийся для читателя безымянным. Мотивы его поступков зачастую непонятны читателю. Он не раскрывает себя, а может, ему уже и нечего раскрывать. Герой кажется порой совсем равнодушным, черствым, ему «все равно», у него будто напрочь отсутствуют эмоции.

Но... Мне все-таки кажется, что у него есть чувство к героине, Наденьке, он способен на него, о чем свидетельствуют эмоционально окрашенные характеристики, которые он дает девушке, жалея ее и любуясь ею: «бедная девочка» (не один раз), «такая красивая», «милое лицо».

Однако ничего не происходит, кроме «шуточки». Почему? Герой сам невольно отвечает нам; он говорит про сомнения Наденьки: «вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья» —

и демонстрирует нам очередность приоритетов. Самолюбие — значит, страх попасть в неловкое положение, страх причинить себе боль, малодушие — суть героя, даже если он и не знает об этом. И «шуточку»-то он над собой сотворил, убив почти что в себе человека, потеряв себя. Ему «все равно». Ужасно! Он подобен г-ну N из «Аси» Тургенева, который тоже боялся сказать слово и потерял свое счастье. Ничего не сбылось, и герой уже сам не понимает себя, да и других не очень.

А что же Наденька, к которой наш герой относится с каким-то непонятным снисхождением и для которой, по его мнению, все равно, ветер или он признается ей в любви. Та, которую он вроде бы видит насквозь (при собственной полной непроницательности) и гордится этим (какой-то комплекс Печорина), более полноценно. Она была счастлива: она просила чуда — оно свершилось. Ее жизнь имеет смысл и центр. И все благодаря нашему шутнику. Все его издевательства и наблюдения над ней только ему и приносят пустоту в душе. Он мог бы повторить вслед за Мефистофелем: «Я — часть той силы, которая вечно желает зла и вечно совершает добро», хотя это сравнение, конечно, очень гиперболично и героя можно скорей пожалеть, чем невзлюбить. Он хотел поиграть, не причиняя себе боли, — он дал другой минуты счастья и потерял себя.

Непонятное прошлое, смутное настоящее - и отсутствие будущего.

Что касается времени и пространства в рассказе, по-моему, присутствует лишь два времени: прошлое и настоящее, свое, конечно, для каждого героя. Будущего как такового нет, его возможность не предусмотрена. Реалии времени — «полдень» и «сумерки», нет утра, нет пробуждения и чего-то нового...

Их пространства не стали едиными из-за самолюбия и страха героя, разрушившего себе жизнь и достойного лишь жалости.